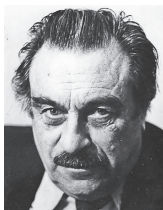

На войне, как на войне

«Война есть наитруднейшее
подчинение свободы
человека законам Бога».

ЛЕВ ТОЛСТОЙ.

К 90-летию
со дня рождения
писателя
Георгия Егорова

текст

АНАТОЛИЙ
ЕГОРОВ

Мое твердое убеждение: ту войну, которой живет — именно живет! — воюющий в окопах человек, в кино показать невозможно. Сражения, взрывы, пальбу — это покажут и сколько угодно. Но вот простая, казалось бы, ситуация: идет солдат по зимнему полю, за спиной, как положено, вещмешок, на плече — автомат, кругом — мороз и ветер. А он идет с утра и до глубокой ночи, в строю или один — неважно, но идет замерзший, голодный и усталый до отупения, потому что и вчера так же шел, и позавчера...

Потому что это был войны.

Ну, и как ты покажешь это в кино, чтобы зритель, сидящий в теплом кинозале или дома перед телевизором, печенкой почувствовал, каково ему, тому солдату?

Да никак!

Не будешь же неделю показывать, как он идет.

Только в книге (и то далеко не

каждому удастся), потому что только книга может пробыть с читателем сколько угодно долго и рассказать о человеке так глубоко и в таких подробностях, что он, человек этот, станет тебе, без преувеличения, родным.

Однако, что называется, следственный эксперимент поставить все же можно — чтобы, повторяю, прочувствовать. Попробуй, читатель, пройти пешком не по сталинградской степи, где сама земля стонет от холода и ветра, а хотя бы по обжитому Барнаулу — от Старого базара до Солнечной поляны, пройти зимой, в мороз, не заходя погреться в теплые магазины... Ну а потом, наконец-то, дойдя до дому, попробуй... заночевать в сугробе.

И прожить так неделю.

То есть попробуй хотя бы неделю пожить без каких-либо привычных в наше время удобств, а чтобы и воду из снега с утра «добывать», и умываться тем же снегом, и питаться одними сухарями, и «до ветру» ходить в буквальном смысле этого слова...

Повторяю: хотя бы неделю!

А если месяц или полгода? Или год?

Никто такого эксперимента ставить, конечно, не будет, но в общих чертах представить его себе может всякий, кто обладает воображением.

А вот донести такие ощущения до каждого, причем донести во всей полноте надо непременно — хотя бы потому, что без них, без этих ощущений, не будет полной правды о войне. Ну а правда о войне, в свою очередь, жизненно необходима всем нам потому, что война — это одно из естественных состояний России, а значит, зарекайся от нее не просто невинная оплошность, но самое настоящее преступление перед свои народом.

И, к счастью, всегда находятся люди, которые чувствуют свою личную ответ-

ственность за память об этом — за память о войне. Одним из них и был наш с братом отец — писатель Георгий Егоров, автор самого популярного в крае романа «Солона ты, земля!», рассказывающего о далекой уже Гражданской войне на Алтае, и не менее известной «Книги о разведчиках», повествующей уже о Великой Отечественной войне. Вот об этой книге я немного и расскажу.

«Книга о разведчиках» издавалась при жизни отца, начиная с 1971 года, по меньшей мере шесть раз, в том числе и в московском издательстве «Современник», но увидеть ее запросто стоящей на полке в книжном магазине было практически невозможно: всякий раз тираж расхищался мгновенно.

Книга эта писалась, что называется, не в один присест. И хотя костяк ее, главы о собственно войне, были написаны уже ко второму изданию, к каждому следующему изданию она дополнялась все новыми и новыми главами — дополнялась после поездок отца по местам боев и встреч с однополчанами.

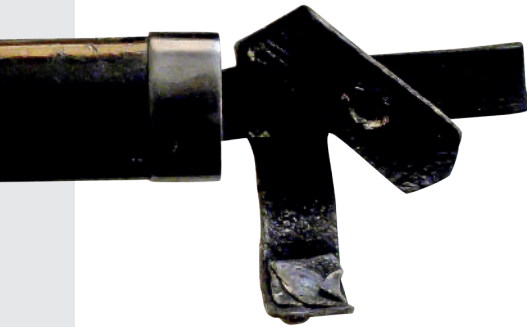
Казалось бы, уже из названия ясно, о чем эта книга, — таков был замысел отца, чтобы читатель сразу понял, что там к чему и почему. Ясно, да, но...

Но что же такое разведка?

И о какой именно разведке идет речь?

Ведь разведка, как известно, бывает разная. Если определять ее по территориальному принципу — то внутренняя и внешняя; если по назначению — политическая, военная и экономическая, включающая тот же промышленный шпионаж и бизнес-разведку; по используемым средствам она может быть воздушной, а сегодня — уже и космической или радиоэлектронной. Кроме того, разведка может включать в себя как использование открытого доступа к информации (извест-

но, скажем, что раньше вообще до 80 процентов сведений грамотная разведка получала, как говорится, из газет), так и быть агентурной, то есть использовать агентов — разведчиков, действующих под видом дипломатов и потому обладающих дипломатической неприкосновенностью. А может быть разведка

Финка разведчика Георгия Егорова, подаренная ему на 40-летие горно-алтайскими охотниками, которые тогда же приняли его в свое сообщество; от той, фронтовой, эту финку отличает лишь отсутствие «усиков», с которыми она являлась бы холодным оружием, запрещенным к ношению в мирное время.
Все фото из архива семьи Егоровых.

Младший лейтенант Георгий Егоров на фронте.

Второе издание «Книги о разведчиках» с дарственной надписью сыну — автору этой статьи.

и нелегальной и действовать под руководством резидента, то есть лица, постоянно проживающего в стране под видом гражданина этой страны, — как Штирлиц, например. Разведка, что не секрет, непосредственно или опосредованно сотрудничает с контрразведкой, и так далее.

И все это может быть познавательно и крайне интересно. Вот, скажем, классический пример деятельности экономической и одновременно военной разведок почти вековой давности: когда перед Первой мировой войной в Германии резко и в несколько раз упали цены на баранину, русская разведка сделала вполне логичный вывод, что в стране производится ее нерыночный забой, то есть целью забоя является не мясо и не шерсть (ради шерсти овцу в принципе не забивают), а шкуры. А зачем нужно столько шкур, если не для армейской зимней

одежды? Так что вывод был прост: готовятся к войне. И скоро все подтвердилось...

В общем, читатель сам может судить о деятельности разных разведок, потому что об этом написано много книг и снято много фильмов. Однако большинство этих книг и тем более фильмов являются в первую очередь все же как минимум приключенческими, если не сказать развлекательными, поскольку проблемы, которыми занимается подлинно художественная литература или подлинно же художественный кинематограф, в них либо вообще не затрагиваются, либо затрагиваются лишь отчасти — по мере необходимости в обслуживании острого сюжета, создаваемого для развлечения читателя или зрителя. Как нечастое исключение можно привести повесть «Иван» Владимира Богомолова или его же роман «В августе 44-го» («Момент истины»), где,

стала их жизнью, потому что деться от нее было некуда, и лишь спустя годы те, что не погибли на ней и не умерли вскоре после Победы от ран, начали понимать, что именно и как именно они прожили и пережили.

Вот и отец четверть века прожил после войны, прежде чем принялся за эту книгу. Он был уже состоявшимся и благодаря роману «Солона ты, земля!» самым известным в крае писателем, а тут надо было возвращаться в свою наивную юность. И как прикажете туда возвращаться? Каким — нынешним или тем же, каким ты ушел из того сурового мира?

Конечно, не сразу явился не только план работы, но даже и настроение, с каким эта работа должна была делаться. Как именно это происходило, сказать сегодня трудно, но если исходить из готовой уже книги, то можно с большой долей вероятности утверждать, что отец избрал самый

**ЕГОРОВ
ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ**

28.12.1923 — 28.02.1992

Родился в селе Тюменцево Алтайского края. Член Союза писателей СССР с 1967 года. Заслуженный работник культуры России (1984). Автор книг «Солона ты, земля!» (1963), «Крушение Рогова» (1965), «Книга о разведчиках» (1971), «На земле живущим» (1988), «Колчак А.В. — последние дни жизни» (1991). С 2002 года на родине писателя, в Тюменцево, проводятся Егоровские чтения. В 2004 году учреждена литературная премия его имени.

впрочем, основное внимание уделяется все же контрразведке.

Чем же отличается отцовская «Книга о разведчиках» от приключенческой литературы?

Да тем, пожалуй, что, будучи книгой о полковых разведчиках Великой Отечественной, она рассказывает прежде всего не об их «приключениях», хотя есть и это, но о людях на войне — о том, если говорить в двух словах, как им не только воевалось, но и как вообще жилось в тех чудовищных, по меркам современного человека, условиях.

Зачем надо было это рассказывать?

Так ведь они, эти русские люди, в подавляющем большинстве своем к войне специально не готовились — не учились военному делу, как это положено кадровым военным. Они, трудясь каждый на своем месте, в своем кругу забот, были обычными людьми, жизнью которых и занимается художественная литература. На войну они попали по возрасту, ну а в полковую разведку — по воле, можно сказать, судьбы. Война, придя в страну, просто

верный в таких случаях метод работы — метод полного погружения в материал (в театре он носит имя Станиславского). Есть много поводов утверждать это, вот один из них.

Перечитывая года полтора-два назад отцовскую книгу, я неожиданно для самого себя стал спотыкаться о несвойственные художественному тексту авторские ремарки. Скажем, говоря о каком-то второстепенном, если можно так выразиться, своем герое, он мог легко заметить, что не помнит, к сожалению, его имени; или же, рассказывая о каком-то событии, сказать, что не может точно сказать, чем там все закончилось; или вдруг вообще признается в том, что чего-то важного просто не знает.

Казалось бы, почему он так говорит?

В конце-то концов ты же художник, автор, все в твоих руках, и если забыл имя героя, — придумай свое, или присочини событие, или сделай вид, что знаешь то, чего не знаешь, как это обыкновенно практикуют литераторы, тем более что опыт в этом деле есть: в романе «Солона ты, земля!»

отец придумал целый бой партизан с колчаковцами, да так придумал, что партизаны потом много лет спорили, кто из них в ходе этого «боя» где находился и что делал, но ни один — ни один! — не усомнился в том, что этот «бой» был на самом деле, и он в нем участвовал.

Вот она, сила искусства...

Так почему бы и здесь не пойти тем же путем?

А вот сейчас как раз и наступило время выяснить, что такое полковая разведка, в которую отец вызвался добровольцем, — чтобы, как он впоследствии признавался, было, о чем рассказывать детям и внукам, — и в которой воевал до последнего своего ранения, когда, уже в октябре 1944-го, его, командира взвода конной разведки, уволили в запас.

Так вот, полковая разведка начинается там, где воюющие армии вступают в соприкосновение друг с другом. Наверное, поэтому полковые разведчики не живут в посольствах, на съемных квартирах или в отелях, оплачиваемых дураками из немецкой службы безопасности СД. Они — те же окопники, только еще более геройские. И они прекрасно знают про это свое геройство, поэтому считают себя армейской аристократией, которая не должна заниматься такими «низменными» делами, как, скажем, рытье окопов или караульная служба. И явились они не сами по себе — их породило время.

Известно, скажем, что в Первую мировую войну полковой разведки в качестве отдельного подразделения, в качестве специальной структуры не было — были так называемые охотники, говоря нынешним языком — пассивари, которым не хотелось «гнить» в окопах, а хотелось иметь на груди Георгиевский крест, причем лучше не один. Вот они-то и вызывались сходить в разведку — поглядеть, что там да как, или даже взять «языка».

Никакого профессионализма.

Лихостью брали.

Но со временем нужда заставила заняться этим делом именно профессионально, поскольку все большая роль отводилась информации, и для успешного ведения войны о противнике надо было знать все. Скажем, какая перед тобой стоит часть? Сколько техники и солдат? Тепло ли этих солдат одели к зиме? Хорошо ли кормят? Как часто моют в бане, если вообще моют? Каково их настроение? Что они, вообще го-

воря, собираются предпринять и чего ждут от русских?..

Казалось бы, простое дело: сходи к немцу в окопы — и все узнаешь. То есть дождался ночи, подкрался, дал первому же олуху по голове — и веди домой, как сказал классик, «языка» — добычу ночи, — что идет, куда не хочет». Там его допросят и всё узнают. Дело, повторяю, простое...

Но тут же возникает вопрос: а когда за ним идти-то, за «олухом» этим? Ведь ночь, как известно, может быть длинной, особенно зимняя. И в каком часу прикажете выдвигаться? И потом: скажем, слава Богу, взял «языка», — как правило, часоного — двинулся обратно, а у них там как раз сменять его пришли. Хватились — нет никого на посту, засветили ракету — и моментально накрыли всю разведку минами на нейтральной полосе.

Накрыли и всех побили.

А кому это надо?

Зато майоры, полковники и генералы — люди крайне серьезные, они войну ведут, поэтому им надо, чтобы никакой отсебятины в виде озорства или каких-то «художественных вымыслов» не было. А значит, докладывать ты им должен только то, что видел своими глазами, без догадок и предположений и уж тем более без фантазий, ибо картина твоего участка должна быть предельно точной и ясной. Потому что если не будет точной картины, то опять-таки запросто могут накрыть минами — и побить ребят, с которыми ты, можешь, сидишь в одной землянке и которые завтра пойдут в атаку.

Кстати, «побило ребят» — это выражение отца...

И вот, погрузившись в то время — буквально в тот самый окоп, где он сидел с биноклем и до рези в глазах часами разглядывал немецкую передовую, в тот самый окоп, откуда потом ходил с ребятами

Страницы из фронтового дневника Георгия Егорова. Как видим, была на фронте и акварель, а также, видимо, и стихи Байрона, чей портрет будущий писатель изобразил на свободной странице.

То есть тоже вроде бы пустяк — когда идти? — а от него многие жизни зависят. Поэтому, когда именно идти, — это надо знать точно.

А для этого надо знать каждый шаг противника — вплоть до того, что ему повар на обед в котелок положил. А чтобы знать каждый его шаг, надо вести за ним постоянное наблюдение, днем и ночью — и по всей линии фронта...

Ну и, наконец, чтобы информация принесла пользу, надо еще научиться точно ее передавать в вышестоящие инстанции. Потому что живые же все люди, тем более молодежь, практически вчерашние школьники, которые из озорства привыкли надувать своих учителей.

за «языком», отец и не мог писать иначе — с обычными для всякого писателя литературными домислами. Он, вернувшись в свою молодость, мог говорить только о том, что видел в этой молодости сам, о том, что знал доподлинно, — и не иначе. Потому что иначе, по его понятиям, это была бы ложь, не только оскорбляющая его фронтовых товарищей, но и вводящая в заблуждение тех, кому еще лишь предстоит сражаться за родину в будущих войнах.

Таково было отношение к работе.

А такое отношение к работе в свою очередь давало настрой, с которым только и можно было воспроизвести подлинную фронтовую атмосферу, что была как вне человека, так и внутри него, настрой

настолько важный и ценный, что без него запросто можно было скатиться в пошлость — то есть в самый скверный, в самый коварный и потому самый подлый вид лжи, который, осознанно или неосознанно, ведет именно к обману читателя.

А скатиться в это неприличие легко.

Небольшая цитата:

«Он рассказал им свое Шёнграбенское дело совершенно так, как обыкновенно рассказывают про сражения участвовавшие в них, то есть так, как им хотелось бы, чтоб оно было, так, как они слышали от других рассказчиков, так, как красивее было рассказывать, но совершенно не так, как оно было».

Тем, кто еще не догадался, о чем речь, скажу, что это Лев Толстой, «Война и мир», том первый. Так автор характеризует рассказ Николая Ростова о Шёнграбенском сражении войны 1805 года. Суровая характеристика, ничего не скажешь. И это притом что, по рекомендации Толстого, «Ростов был правдивый молодой человек!»

А уже в третьем томе Толстой добавляет к этой своей мысли, что, «рассказывая военные происшествия, всегда врут». То есть вот тебе и на: а как же в таком случае быть с самим Львом Толстым, который тоже рассказывает «военные происшествия»?

Да, печально читать такое...

Правда, «всегда врут», слава Богу, не потому, что хотят соврать, а потому только, что «все происходит на войне совсем не так, как мы можем воображать и рассказывать», — добавляет Толстой.

Поэтому, повторяю я, скатиться в ложь легко. И так оно и бывает, если не следить за собой постоянно, если не поставить перед собой определенную задачу и если, что самое главное, не чувствовать своей ответственности за Великую Войну перед потомками.

Могут спросить: но зачем нам сегодня та Война, пусть и Великая? Что она может дать нынешним и будущим русским солдатам? Известно ведь, что генералы всегда готовятся к войне минувшей, к той, которая не повторится и потому в качестве науки не нужна, — так, может, и писатели, олицетворяющие собой, по выражению Верховного Главнокомандующего отца, память народа, тоже, как говорится, глядят назад и рассказывают совсем не то, что пригодится в будущем?

Но в таком случае зачем нам

война уже какая-то вообще «позапрошлая» — та, про которую рассказывает Лев Толстой?

А оказывается, нужны они, эти войны, — и прошлая, и «позапрошлая»! То есть, разумеется, следующая война будет другой. Она практически ни в чем не будет походить на ту Великую Войну, где Россия в очередной раз остановила и погнала вспять нашествие Европы — на сей раз Европы фашистской. Тогда, в 1941-м, как и в 1812-м, все было ясно: армия вторжения, сконцентрировавшись на наших границах, в назначенный час эти границы перешла и приступила к плановым убийствам русских людей, к их порабощению и грабежу их собственности. И Красной Армии в этом смысле все было ясно: враг одет в униформу армии Третьего рейха и говорит на чужом языке. Убивай врага — и победа будет за нами.

А что сегодня?

А сегодня враг просачивается через границу в обычной одежде и может вполне сносно говорить на твоём языке. Он живет среди мирного населения, но в назначенный час берет в руки оружие и начинает убивать всех подряд — вплоть до того, что вырезает сердце и съедает его под объективами видеокамер. А в это время какой-нибудь фюрер вдруг объявляет, что поддерживает это «освободительное движение», подводит к твоим границам свой флот и грозит ракетами.

И что прикажете делать?

Как воевать?

Бомбить в ответ Нью-Йорк, казалось бы, нет никаких юридических оснований, а бомбить, скажем, Казань или Махачкалу, если это происходит в России, как-то не хочется.

Но ведь именно это и творится сегодня на Ближнем Востоке и неминуемо придет к нам, если мы позволим. А мы пока позволяем. Мы, скажем, знаем, что есть сегодня такой метод ведения боевых действий — сетецентрическая война. В чем эта война заключается, каждый может узнать в Интернете, а я лишь коротко замечу, что информационное превосходство в сочетании с сетевой, то есть распыленной атакующей боевой мощью позволяет точно и продуманно действовать уже на раннем этапе и очень быстро одерживать победы. Эта война уже повсюду применялась и применяется США — и в Ираке, и в Ливии, и сейчас, когда я пишу эти строки, грозит Сирии. Придумал же ее, еще в начале 1980-х годов, советский генерал и будущий маршал Николай Огарков, что сегодня уже практически замалчивается. А мы пока позволяем это замалчивание...

У сетецентрической войны свои законы. На первый план выходит умение владеть информацией, которая может заменять реальные действия. То есть практически ничего общего с Великой Отечественной.

Однако какой бы ни была эта новая война, воюют-то люди, и от того, как именно они воюют, знают ли, за что воюют, зависит исход всего. То есть чтобы победить, помимо воли к победе надо иметь за плечами поистине золотой генетический опыт пятидесяти, если не вдвое, не втрое больше, поколений воинов, которые, сражаясь, создавали Русскую Цивилизацию, объединившую в себе всех, кто хотел стать человеком. И этот опыт накапливается и передается из поколения в поколение с относительно недавних пор и через художественную литературу. Благодаря этому опыту сегодня мы практически те же, какими были и на Куликовом поле, и на Бородинском, и в Сталинграде.

В нас живет память предков, и она должна жить всегда — только это может быть залогом нашего существования в принципе. Пусть оружие будет другим, пусть изменятся способы ведения войны, пусть даже окопы исчезнут, но на войне всегда будет, как на войне, а значит, и люди должны оставаться все теми же русскими воинами — детьми Русской Цивилизации. И они должны заранее знать — и благодаря тем, кто отвечает за народную память, будут знать! — что такое война и как на ней не только сражаться, но и жить — жить, чтобы, во-первых, пережить своего врага, а во-вторых, — безоговорочно его победить, отстояв право на жизнь своего рода.

И вот, собственно говоря, об этом и для этого отец, чувствуя свою ответственность за народную память, и написал «Книгу о разведчиках» — книгу для будущих воинов Русской Цивилизации. Конечно, она не так велика, как «Война и мир», и отец лучше других понимал это. Но это была его книга — его рука помощи тем, кто займет место в бою после него.

Скольким пригодилась эта помощь, сказать сегодня трудно. Можно только отметить, что тем, кто родился в год ее первого издания, сегодня уже за сорок, а последний раз она вышла в серии «Городская библиотека», издаваемой барнаульским Фондом творческих инициатив, всего шесть лет тому назад.

То есть книга живет.

И давай Бог!

А напоследок хочу еще раз вспомнить нашего национального гения. Да, Лев Толстой, сам человек военный, с полным на то основанием заметил, что «рассказать правду очень трудно», и писатель Георгий Егоров, работая над «Книгой о разведчиках», конечно, не мог с ним не согласиться. Но раз уж война, это «наитруднейшее подчинение свободы человека законам Бога», закончилась Великой Победой над врагом, то и книга должна соответствовать этому народному подвигу. И отец сказал себе: да, правду рассказывать трудно, но надо, и поэтому я расскажу правду.

И сделал так, как сказал. ◀